

В. С. Соловьев

Княжна Острожская

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
С60

C60 **Соловьев В.С.**
Княжна Острожская / В. С. Соловьев – М.: Книга по Требованию, 2021. –
140 с.

ISBN 978-5-4241-1497-7

Вторая половина XVI века. Силен еще князь К. К. Острожский, ревнитель православия в Западной Руси. Но и иезуиты, всеми правдами и неправдами прobraвшиеся во владения князя, набирают силу. Все яростней разгорается борьба православия с иезуитами. Не обходит стороной эта борьба и чистую любовь князя Сангушки и княжны Острожской - Гальшки. Однако сам князь Острожский вступается за молодых. Что из этого выходит, читатель узнает в конце романа -- этой прекрасной песни любви и стойкости духа.

ISBN 978-5-4241-1497-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© В.С. Соловьев, 2021

Всеволод Сергеевич Соловьев
Княжна Острожская

ПРЕДИСЛОВИЕ

В тяжелое время довелось жить князю Константину (Василию) Константиновичу Острожскому (1526–1608), сыну гетмана великого княжества литовского, киевскому воеводе и ревнителю православия в Западной Руси: в 1596 году была заключена Брестская уния. То, чего в течение нескольких веков добивались католики, свершилось: православные украинцы и белорусы, проживающие в пределах Речи Посполитой, должны были признать догмат об исхождении святого Духа, учение о чистилище, главенство папы римского, правила и постановления Тридентского собора. Церковные же обряды и богослужение на родном языке оставались неприкосновенными. Король польский Сигизмунд III, страстный католик, всячески поощрял сторонников унии, обещая им различные милости. Казалось, что вслед за протестантизмом сломлено в Речи Посполитой и православие. Однако православные предали анафеме униатов, а униаты – православных. Начались долгие годы борьбы православных с униатами... Сколько людей сгубила эта борьба! Сколько сил отняла у украинского и белорусского народов! Как затормозила их развитие! И по сей день кровоточат четырехсотлетние раны... Что может быть страшнее и бессмысленнее религиозных распрай?!

Страницы предлагаемого читателю романа «Княжна Острожская» переносят его в те времена, когда эти распри только разгорались. Чистой любви князя Сангушки и княжны Острожской – Гальшки всячески противятся иезуиты, всеми правдами и неправдами пробравшиеся в Западную Русь. Не только желание иезуитов сорватить княжну в католическую веру, но и страстная любовь к княжне одного из них создают массу трудностей на пути возлюбленных. Однако сам князь Острожский на их стороне... Что из этого выходит, читатель узнает в конце романа – этой прекрасной песни любви и стойкости духа.

Владимир Близнюк

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Много было славных и могучих вельмож на Литовской Руси. Каждый горожанин, каждый бедный землепашец с великим почтением произносил имена князей Радзивиллов, Ходкевичей, Сапег, Воловичей, Олельковичей-Слуцких. Но имя князя Константина Константиновича Острожского возбуждало повсюду даже благоговение – все литвины, от Острога до Вильны, не иначе называли его как «великим князем».

Высок был род князей Острожских – они вели его от Владимира Святого; несметно было их богатство, обширины их владения на Волыни, Подолии, и во всем юго-западном крае. Но не одной славой предков, не миллионами червонцев, не вотчинными городами, mestечками и деревнями сиял на всю Литву князь Константин Константинович. От своего родителя, знаменитого великого гетмана литовского, воеводы троцкого и кастелана виленского, князя Константина Ивановича, он получил в наследие непоколебимую верность церкви православной и народности русской. Крепко и бодро отстаивал он святую веру и ее неприкословенность, на которую со всех сторон поднимались козни вражеские. Тяжелое то было время: протестантство и арианство распространялись в крае, и церковь русская теряла немало своих членов; иноверное правительство польское если еще и не явно враждовало с нею, то, во всяком случае, равнодушно смотрело на ее бедствия и ничуть не заботилось о ее выгодах. Короли, основываясь на своем праве подаванья, жаловали монастыри православные в управление светским людям. Немало тяжб и сvar заводили между собою и духовные лица.

А с запада надвигалась страшная, черная туча – в Риме уже давно зорко следили за Польшей и Литвою, давно уже решили испробовать самые яркие средства, чтобы окончательно укрепить шатавшуюся власть папы в Польше и подчинить той же власти и Литву православную. Сбирали дружины непобедимую для завоевания Востока, дружины, невидимые стрелы которой были насквозь пропитаны смертоносным ядом, дружины, созданную адскою силою и святотатственно носившую имя Иисуса...

В это-то трудное время приходилось жить и действовать князю Константину Константиновичу Острожскому. И он отдал всю свою жизнь на служение православию, на поддержание его и охранение. И все, что в Литве дорожило отцовской верой, примыкало к могучему князю, прибегало под его защиту, полагалось на него, как на оплот надежный.

Оттого-то его имя и было на устах каждого литвина и произносилось с благоговением.

Князь Константин имел свою резиденцию в наследственном городе Острог, построенном на берегу реки Гарыни. Здесь, на возвышенной местности, спускавшейся прямо к речному берегу, среди благоуханных садов и тенистой, вековой рощи, высился огромный княжеский замок – величественное произведение итальянского зодчества XV века.

У самого замка, сквозь купы кудрявых деревьев, белелись главы замковой Богоявленской церкви, щедро изукрашенной благочестивыми владельцами и

вмещавшей под своими тяжелыми сводами усыпальницу рода князей Острожских. За церквию начинался длинный ряд всевозможных более или менее обширных строений, отделенных друг от друга дворами, вымощенными каменными плитами – это были помещения для придворных, которых у князя Константина насчитывалось более двух тысяч человек. К задней стороне замка примыкали многочисленные службы.

Весь замок, с принадлежавшими к нему строениями, садами и значительной частью рощи, был обнесен высокой, крепкой стеной, делавшей из него превосходно защищенную крепость. Гарнизон и артиллерия замка были настолько значительны, что всегда могли отразить сильное нападение. Иначе нельзя было и жить в то время, когда частная ссора между двумя вельможами давала повод ко вторжению одного из них во владения другого.

Если бы князь Константин почел нужным, он всегда мог бы собрать такое войско, с которым можно было бы идти на Krakow. Ему принадлежало около трехсот городов и mestechek, несколько тысяч деревень и несметное число слобод, хуторов и фольварков.

Кроме двух тысяч человек, преимущественно принадлежавших к дворянским и даже богатым и известным фамилиям, которые составляли его двор, многочисленная шляхта жила его милостями и готова была, по первому знаку, исполнять княжеские приказания.

За оградой замка начинался самый город Ostróg, раскинувшийся на несколько концов, довольно тесно застроенный деревянными жилищами, пересеченный улицами, мощенными деревом. Между городскими зданиями обращала на себя внимание школа, выстроенная князем Константином, а также его типография, которую заведывал бежавший из Москвы первый московский типограф Иван Федоров. В городе шла жизнь, имевшая мало общего с роскошной жизнью замка; тут ютилась небогатая шляхта, многочисленный класс горожан-ремесленников, и запуганные, но терпеливые евреи продевали свои неизменные во все времена гешефты.

В то время, с которого начинается наш рассказ, т. е. в шестидесятых годах XVI столетия, князь Константин Константинович был еще далеко не стар. Он был женат на дочери Станислава Тарновского, кастелана краковского, и имел трех сыновей: Януша, Константина и Александра. Кроме того, в Ostrójskem замке, под его родственной охраной, жила вдова его рано умершего брата, Ильи, княгиня Beata с единственной дочерью Еленой.

Звон колокольный разносился по улицам Ostróga. Всюду замечалось необычное движение. Народ в праздничных одеждах собирался кучками и направлялся к церкви Рождества Богородицы, где должно было происходить торжественное освящение только что отстроенного придела во имя св. равноапостольных Константина и Елены. Придел этот жители Ostróga соорудили на свои собственные средства и посвящали его святым патронам князя Ostrójskого и его племянницы, в доказательство всеобщей любви и почтения к могучему, великому князю и прекрасной княжне Елене. Живо шла работа, чтобы поспеть к торжественному дню 21 мая. Епископ Арсений за неделю уже прибыл в город. Освящение должно было совершиться со всевозможным блеском. В замок со всех сторон съехались гости – там готовился целый ряд празднеств.

Утро задалось светлое, теплое, безоблачное. Праздничный шум города сли-

вался с ликованием весенней природы, распустившейся во всей красоте своей и залившей Острог свежей, душистой зеленью фруктовых садов, густо разросшихся почти у каждого дома.

На улицах становилось все шумнее. Народ со всех концов стекался к церкви. По дороге к замку уже расположились пестрые ряды горожан, приготовившихся встречать княжеский поезд. В руках женщин и детей были букеты цветов и зелени.

Вся стенка замка была увешана разноцветными коврами и флагами. Ворота стояли настежь. Но поезд еще не показывался.

В это время по Заславской дороге в город въезжала блестящая кавалькада, состоявшая из девяти всадников. Лихие, на диво выхоленные кони сверкали легкой, золоченой сбруей, дорогими седлами и яркими шелковыми кистями. Впереди, на вороном, лоснившемся и нервно вздрагивавшем жеребце, красовался статный молодой человек, богатый наряд которого показывал литовского вельможу, еще не успевшего или не хотевшего перенять западные моды, привившие в Кракове, при дворе Сигизмунда-Августа.

За ним следовали почти в таких же одеждах, как и он, розовый, красивый юноша лет семнадцати и два человека средних лет, из которых один отличался значительной толщиною и замечательно длинными усами. Далее, в некотором расстоянии, ехали пять служителей.

Молодой человек обернулся и остановил светлые большие глаза на красном, жирном лице своего толстого спутника.

— Эх-ма, Иван Петрович, — сказал он улыбаясь, — вижу твое лютое мучение и чует мое сердце, что ты проклятию предаешь меня чуть ли не с самых Сорочей.

— Не то, князь! — отвечал Иван Петрович густым басом; — мне что? — толст, толст, да не такие концы могу еще отхватывать, а вот что не дело, так не дело. Ну где ж это видано, чтобы на такой праздник, да еще и на освящение, выезжать до восхода солнечного и гнать, словно за нами вражья сила, когда все к князю Константину за день, да за два съезжаются. Мало что ль хором у него понастроено...

— Так тебе небось хотелось, чтоб я так, не дождавшись зову, и поехал. Когда гонец-то от князя прискакал? Вчера к вечеру — ну, я и еду. А не прислал бы гонца, так и не поехал бы.

— И дело, — вмешался в разговор другой всадник, — так и князь, родитель твой покойный, вашей милости перед смертью наказывал: крепко держись, никому не позволяй себе наступать на ногу; будь близок к князю Острожскому, но и от него требуй себе почтения — Сангушки не хуже Радзивиллов да Острожских. Как покойника отца твоего князь Константин всегда звать почетного гонца посыпал, так и к сыну его и наследнику посыпал должен.

— Так-то оно так, — согласился Иван Петрович, — да уж больно жарко nonе, а в церкви небось почитай что до полдня выстоять придется.

Розовый юноша, давно уже насладившийся комическим положением, в которое толщина ставила Ивана Петровича, не выдержал и рассмеялся.

Улыбнулся и князь.

— А тебя, пострел Федька, и брать вовсе не следовало, — пробасил толстяк, притворяясь рассерженным. — И чего это ты, ваша милость, разбаловал так мальчишку! — обратился он к князю.

— Не ворчи, старый, — успокаивал его князь, — ведь сам ты, небось, после того как Федя вытащил меня совсем бесчувственного из Сорочского озера, назвал его моим храбрым оруженосцем — так оруженосец-то всюду должен следовать за своим рыцарем, не баловства ради, а охраны.

— Ишь ты, хрипильщик выискался! — не унимался Иван Петрович; — а поди, приключись что, напади на дороге лихой человек, так Федюша первый, как баба, со страху разрюмится.

Но такого обидного предположения юноша снести уже никак не мог. Он даже побледнел и гневно сверкнул глазами на обидчика.

— У меня только и дума одна, — задыхаясь от волнения начал он, — как бы понастоящему, не из-под опрокинувшейся лодки, а от мечей вражеских защитить и спасти моего князя и самому умереть за него... Да и не знаю я, кто из нас двух, я или Иван Петрович Гальянской с перепугу захнычет...

— Молчи, щенок! — крикнул толстяк, сердясь уже не на шутку.

— Никак вы и взаправду свару затягли, — оглянулся князь с недовольным видом, — нашли время!.. Слышиште?..

Гул радостного народного крика раздался близко за поворотом улицы. Иван Петрович и Федя замолчали, только злобно взглянули друг на друга.

Всадники дали шпоры коням и красивым галопом, звеня оружием, поскакали вперед. Через две минуты они были среди толпы народа, при повороте на довольно широкую улицу, зеленевшую далеко раскиданной свежей травою.

Народ радостно кричал, подбрасывая кверху шапки. Слева гудел торжественный благовест. Справа, с пригорка, на котором возвышался замок, медленно двигался блестящий княжеский поезд.

Лицо князя Сангушки мгновенно преобразилось. Румянец залил его щеки. Глаза, широко открытые, сиявшие блаженным выражением, остановились не мигая на одной далекой точке. Грудь дышала порывисто, и рука нервно и бессознательно скимала рукоятку осыпанной дорогими каменьями отцовской сабли.

Не великолепие поезда поразило молодого князя — это был далеко еще не полный парадный поезд Острожского, иногда выезжавшего из города в сопровождении тысячи провожатых. Сангушко даже и не замечал поезда. Он не видел, как мимо него проскакали передовые гайдуки, как проехал маршал двора Острожского, сверкая на солнце своим золотом шитым костюмом. Он не видел толпы красивых пажей и шляхетской молодежи, среди которой, в сопровождении почетнейших гостей, подвигался князь Константин Константинович на белом, словно серебряном коне. Он не слышал восторженного крика, которым народ приветствовал своего князя.

Он глядел не отрываясь, все с тем же блаженным выражением в глазах... и ближе, ближе становилось то, на что глядел он, и сердце его замирало невольно, и туманилась голова его... За князем Константином медленно подвигалась запряженная шестериком золоченая, обитая драгоценной парчею, колымага. В ней помещалась княгиня, супруга князя Константина, женщина лет сорока, с красивым, необыкновенно добродушным и ласковым лицом, а рядом с нею сидела молоденькая девушка.

Восторженные крики народа возобновились. Женщины и дети бросали свои букеты сирени и других душистых цветов. Взгляды всех были обращены на молодую девушку. «Княжша наша! Красавица Гальшка! День красный! Солныш-

ко небесное!» – раздавалось кругом с восторгом и благоговением.

И этот восторг, и это благоговение народа были совершенно понятны. Княжна Елена Ильинишка Острожская (или Гальшка, как ее все называли) была необыкновенная, неслыханная красавица. Такая красота рождается веками, приобретает себе славу, подобно гению, и память о ней сохраняется в потомстве. Такая красота – высочайший дар природы – может служить поводом и причиной великих и часто кровавых событий.

Только вдохновенному художнику мог привлечься этот образ, совершенное воплощение которого было теперь перед народной толпой и выделялось на блестящем фоне парчевых подушек, как бы окруженнное золотым сиянием.

Княжне Гальшке только что исполнилось семнадцать лет; но вот уже три года, как по всей Литве и даже Польше разносилась весть о чудной красоте ее. Немало людей, разумеется, людей молодых и вольных, нарочно приезжало в Острог, чтобы только взглянуть на нее и потом говорить: «я видел красавицу Гальшку». Какое же описание может дать понятие об ее прелести, равно возбуждавшей восторг и в мужчинах и в женщинах, и даже в детях, радостно бросавших цветы ей навстречу. Если бы закутать ей голову густым покрывалом, то всякий, взглянув на эту легкую, грациозную фигуру, на эти стройные, строго пропорциональные, словно из мрамора выточенные члены, не мог бы усомниться, что это тело принадлежит безупречной красавице. И точно, здесь нельзя было ошибиться – ее небольшая головка, отягченная ниже колен спадавшими, бледно золотистыми и мягкими как шелк косами, заставила бы даже закоренелого злодея выронить нож и отступить в смущении и восторге. Большие, черные, с длинными ресницами глаза казались еще прекраснее при светлых волосах и необычайно нежном цвете лица. Благородный и строгий профиль смягчался выражением, которое поражало ясностью душевной чистоты и очевидной, на все обращавшейся добротою. Но в то же время в этом лице было что-то, какая-то неуловимая черта, обличавшая присутствие мысли и воли, а по временам на нем мелькало отражение не то грусти, не то серьезной задумчивости. Одним словом, поэты того времени говорили про нее, что это была красота, гармонически слившая в себе и божественную прелесть мадонны, и земную обольстительную прелесть классической богини.

Княжна Гальшка на шумные приветствия народа отвечала ласковыми, добрыми улыбками, стыдилась возбуждаемого ею восторга, и порою смущенно взглядывала на тетку, будто желая за нею спрятаться и прося прощения в том, что она невольно обращает на себя одну всеобщее внимание. Но добрая княгиня и сама, очевидно, гордилась племянницей.

Князь Сангушко едва сдерживал свое волнение и глядел на Гальшку не отрываясь, как очарованный. Он видел ее и прежде, он помнил ее еще ребенком; в последнее время ее образ преследовал его всюду и даже не померк от глубокой, мучительной горести, в которую повергла молодого человека смерть его отца, горячо им любимого. Но никогда еще Гальшка не казалась ему так бесконечно прекрасной. И он почувствовал, в первый раз почувствовал совершенно определенно и ясно, что эта чудная красавица, которой все любуются и которую все прославляют, для него гораздо больше, чем красавица; что она дорога ему, что он любит ее, любит больше всего на свете...

Ласковая улыбка не сходила с уст Гальшки; но глаза ее были скромно полу-

опущены перед восхищенной толпою. Она подняла их на мгновение и ее взгляд встретился со взглядом Сангушки. Что-то быстрое, не то изумление, не то радость, мелькнуло в этих глубоких глазах. Ее щеки колыхнули румянцем... Золоченая кольмага прокатилась мимо.

Сангушко тронул поводья и шагом поехал за нею, не веря себе, сомневаясь и боязливо поддаваясь новой надежде. Он обернулся. Среди бесчисленных, окружавших его лиц, его взгляд упал на пораженное, восторженное молодое лицо Феди, который растерянно глядел кругом и ничего не видел перед собою.

— Федя! — крикнул князь.

Юноша вздрогнул, очнулся и молча поехал за ним, смотря по тому же направлению, куда обращались взоры всего народа и горячие взоры князя.

II

Князь Константин Константинович Острожский, как мы уже сказали, был одним из надежнейших оплотов православия. Его деятельность в этом направлении была неутомима; но и он уже с ужасом начинал видеть, что вся его энергия, все его силы далеко недостаточны для ведения успешной борьбы с разнородными и могучими врагами.

Хотя в XVI веке православие было в Литве господствующей народной религией, но огромная масса народа только по имени могла считаться христианами. Не только в глубине страны, но и в деревнях, находившихся вблизи городов и соприкасавшихся с городской жизнью, царили совершенно языческие понятия и верования, которые в течение долгих веков оставались неискорененными. Православных церквей было много; но сельское духовенство не имело решительно никакого влияния на свою паству. Идолы и языческие празднества оставались нетронутыми — им только даны были христианские наименования. Так, например, видя в церкви вербу с повешенной на ней иконой, парод поклонялся и вербе и иконе, воображая, что богиня Блinda была превращена в дерево, и именно в вербу. К христианским праздникам применялись все прежние языческие обряды, отчасти сохранившиеся и до сих пор, но в то время имевшие в глазах народа чисто религиозное значение. Праздник Рождества слился с праздником коляды, Новый Год с языческим щедрым вечером, Крещение сопровождалось всевозможными обрядами, остатками культа Святовиту. Христова Пасха была не что иное, как празднество волочинья. Георгиев деньправлялся веселыми играми, песнями и плясками; в Троицын день завивались венки; в день Рождества Иоанна Предтечи скакали через огонь; в день Петра и Павла строились качели. Но этого мало: в иных местах на Троицу, после крестного хода, собравшийся в огромном количестве народ всю ночь завивал венки, бросал их в воду и сопровождал эти обряды невероятными бесчинствами и бесстыдством.

Солнце и луна, подземные божества, называвшиеся Баструками, и их владыко Пушайтис почитались по-прежнему. Им народ молился, чтобы они смягчили сердце жестоких господ. Окончание жатвы, дожинки праздновались по-язычески. Осенью, по окончании полевых работ, на большой стол клали сено, потом постилали его чистою скатертью, ставили на стол бочку пива и затем вводили быка или корову, назначенных в жертву богу оплодотворения. Все присутствовавшие яростно бросались с дреколием и оружием на несчастное животное и убивали его до смерти, припевая: «вот тебе жертва наша, о бог земли. Слава тебе

за сохранение жизни нашей в прошлом году, защити нас и в наступающем от врага, огня, меча, морового поветрия!» Мясо убитого животного тут же жарилось и съедалось.

Но не с одними остатками язычества приходилось бороться князю Острожскому и прочим ревнителям православия. С некоторого времени в высшие сословия, а затем и в народ начинали все больше и больше проникать новые учения, идущие с запада Европы. Соперником князю Константину по влиянию и могуществу был Николай Радзивилл Черный, канцлер великого княжества Литовского, двоюродный брат королевы Варвары и один из ближайших и влиятельнейших советников Сигизмунда-Августа. Радзивилл Черный принял евангелическо-реформатское исповедание и всеми мерами начал распространять его по государству. Он основал кирки в Вильне, Келецке, Несвиже, Орше, Минске, Бресте и во многих других городах, число которых простиралось до ста шестидесяти. Он выписывал известнейших в то время проповедников, и они разъезжали всюду и учили народ. Он устроил типографии и в большом количестве печатал духовные книги. Все, что нуждалось в покровительстве могучего Радзивилла, получало это покровительство с условием отступить от православия или католичества и принять реформатство. Радзивиллу содействовали и другие вельможи: Сапеги, Ходкевичи, Кишки, Вишневецкие, Пацы, Войны и т. д. Король оставался совершенно равнодушным к этому движению и будто не замечал падения литовского православия и польского католичества.

Князь Константин Острожский видел, как с каждым годом отрывались от церкви надежнейшие сыны ее, как русско-литовские вельможи уходили в стан вражеский. Его покидали лучшие друзья и советники, он оставался почти один во главе православия – а между тем годы шли и убавляли в нем его крепкие силы, энергии кипучей деятельности. Внимательно глядя кругом себя, он с ужасом убеждался, что нет ему верного друга и помощника, что умри он сегодня – и с ним вместе умрет, пожалуй, и величое дело, которому и отец его, и он сам посвятили всю жизнь. Ревностных православных людей было еще немало, но все они были бессильны, не имели того влияния и тех огромных материальных средств, какие требовались в таких обстоятельствах.

Только в родном своем Остроге он, по крайней мере, видел себя в среде своих; здесь все вокруг него дышало православием и благочестием. С нескрываемой радостью встретил он весть о рещенной городом постройке нового придела во имя св. Константина и Елены – ему были дороги и ревность горожан к вере, и преданность ему самому и его любимой племяннице.

Давно уже не видали князя с таким радостным лицом, как во время освящения придела. Окруженный блестящей толпою, стоя у клироса на небольшом возвышении, обитом малиновым бархатом, он внимательно следил за торжественной службой и часто клал земные поклоны. Одет он был роскошно, в светлом атласном кафтане с блестевшими драгоценными камнями цепью на шее – но эта роскошь одежды не была плодом его собственной заботливости: он так оделся, потому что так одел его приставленный к его гардеробу шляхтич. Если бы ему принесли старое платье, он надел бы и его и никогда не заметил бы этого – он никакого внимания не обращал на свою внешность.

Но его фигура, его лицо были такого рода, что как бы он ни одевался, его нельзя было смешать с толпою. Он был довольно высокого роста и полон. Вокруг